

**Доказательства и доказывание по обычному праву кыргызов
«дооктябрьский период»
Акмолдоев Б. Ч.¹, Саякбаев Т. А.²**

¹Акмолдоев Бакыт Чолпонбекович / Akmoldoev Bakyt Cholponbekovich – соискатель,
кафедра уголовного права и процесса;

²Саякбаев Талас Аскарбекович / Sayakbaev Talas Askarbekovich – кандидат юридических наук, доцент,
кафедра конституционного и административного права,
юридический факультет,
Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына,
г. Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация: данная статья посвящена анализу доказательств и доказывания по обычному праву кыргызов в «дооктябрьский период» развития института уголовного судопроизводства. Раскрываются особенности доказывания в условиях функционирования судов биев в рассматриваемый период в Кыргызстане.

Ключевые слова: «дооктябрьский период», правила доказывания, суды биев, присягатели, состязательный характер судопроизводства.

УДК 343.1(575.2)(04)

На каждом этапе исторического развития государства можно выявить особенности понимания и решения вопросов доказательства и доказывания. Институт доказывания по уголовным делам развивался вместе с уголовным судопроизводством и соответствовал той модели, которая имела место в том или ином государстве.

Истории известны различные модели уголовного судопроизводства. А.В. Смирнов определил первой фазой состязательного процесса обвинительное судопроизводство, возникшее в периоды раннего европейского средневековья и классического феодализма (например, «Варварские правды») [5, 27].

Во время существования обвинительного процесса судебная тяжба обвиняемого и потерпевшего сопровождалась поединком, испытанием огнем, водой, дачей присяги и др. Так, например, при оценке доказательств ограничивались анализом данных, свидетельствующих о точном соблюдении процедуры определенного испытания, а в случае нарушения одной из сторон оно толковалось в пользу противоположной.

Такой период истории, с такими же системами доказательств и правил доказывания, пережило и судопроизводство Кыргызстана в так называемый «дореволюционный или дооктябрьский период». Авторы К.К. Нурбеков и Кожоналиев С.К. в своих трудах [4, 93; 2, 18] отмечают, что «киргизское право не знало различия между гражданским и уголовным судом. Процессуальные нормы были одинаковы при решении как гражданских, так и уголовных дел... Процесс по киргизскому праву носил состязательный характер» [4, 93]. Обе стороны стремились представить как можно больше доказательств в свою пользу. Как таковой проверке доказательства не подвергались. Имели место следующие виды доказательств: 1) признание вины; 2) показания свидетеля, очевидца; 3) вещественное доказательство; 4) присяга. Присяга, если она давалась обвиняемым, называлась очистительной, а присяга, исходящая от потерпевшего, носила название подтверждающей. Самой тяжелой процедурой присягания было признано целование Священного Корана и произношение слов: «Кудай урсун, Куран урсун» (да накажет меня бог, коран). Более легким являлось публичное обращение обвиняемого к потерпевшему и произношение слов: «жалган айтсам ант урсун» (за ложь клянусь своей смертью). К присягам прибегали в случаях, когда по делу не было точных, прямых и достаточных доказательств. По мелким делам, по инициативе бия или одной из сторон, присяга принималась от потерпевшего - обвинительная или от обвиняемого - оправдательная, а по важным делам - не от непосредственного потерпевшего или обвиняемого, а от их близких родственников и одноаильцев [1, 194].

«Количество присягателей назначалось в зависимости от тяжести преступления, от одного и до десяти человек. Есть много решений биев 80-90 гг. XIX в., где присягателями являются один, два и более человек», - пишет С.К. Кожоналиев [2,24]. Далее, автор, ссылаясь на А.Леонтьева отмечает, что «Чем больше дело, тем больше и круг лиц, из которых должны будут выбираться присягатели, и тем большее число этих последних» [3,129]. Если потерпевший, все усиливая которого, направленные на уличение обвиняемого в преступлении, не увенчались успехом, то он, под присягой, публично признаёт отсутствие вины обвиняемого и заявляет одноаульцам о нем, как о честном человеке. Затем он клянётся. «Такое принятие присяги по утверждению Г. Загрязского, считается несомненным доказательством», - пишет С.К. Кожоналиев [2,26].

С. Кожоналиев отмечает, что «присягателем в народе назывался «джан – беруучу – человек, дающий душу, или « джан-алучуу»- принимающий душу [2, 24]. Примечательно, что присягатель с той или иной стороны имел возможность за определенное время ознакомиться с делом.

У кыргызов на указанном этапе времени с учетом жизненных условий, культуры, быта и уровня религиозности народа, а также географического расположения, к присягателям предъявлялись следующие требования:

1. обходя могилу своего отца или деда, или прадеда произносить клятву семь раз;
2. произношение присяги у родника, дикорастущего дерева – «долоно», «священного» камня и др.;
3. в отдельных местностях присягали, одевая белый саван или наступая на хлеб;
4. иногда клятва произносилась в вырытой могиле

По обычному праву кыргызов, присягу могли давать мужчины с 15-летнего возраста, т.е. совершеннолетние по тем временам. Женщины и дети к присяге не допускались, а вместо них, к примеру, присягали их мужья, отцы, братья. Следует отметить, что освобожденными от присяги были и представители высшей кыргызской феодальной знати.

Таким образом, дача или отказ от присяги, по обычному праву кыргызов, считались доказательством виновности или невиновности ответчика - обвиняемого и бесспорным основанием для признания или непризнания прав истца» [2,27].

Более подробно доказывание в суде биев описывается С.К. Кожоналиевым в диссертационном исследовании «Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции (1850-1977 гг.)», где указано, что «кистец и его свидетели доказывали виновность ответчика, а ответчик и его свидетели или признавали виновность в целом, либо частично или отвергали обвинения. Таким образом, по адатам «судопроизводство носит явно выраженный состязательный характер, как в гражданском, так и в уголовном процессе» [2,25]. По завершении допроса участников процесса бий обращался к ним за дополнением своих показаний, а также выяснял: есть ли другие опровержения показаний противоположной стороны. После чего, стороны и их свидетели имели возможность еще раз дополнить свои показания или опровергнуть показания другой стороны, считая их недостоверными уже в судебном разбирательстве.

Бий, выслушав выступления сторон, оценив их доводы, здесь же выносил решение. При рассмотрении более сложных дел, где требовалось время для раздумья, детализации фактов или при необходимости консультации с другим бием, имеющего большой судейский опыт, а также с авторитетными аксакалами айла и рода, а принятие решения бием откладывалось на определенный срок. Затем бий вновь приглашал всех заинтересованных в исходе дела лиц, в первую очередь стороны и объявлял свое решение. Окончательное решение выносилось, в основном, тогда, когда обвиняемый признавался полностью в содеянном, либо вина была бесспорно доказана показаниями свидетелей и вещественными доказательствами (к примеру, вор был застигнут на месте преступления, телесные повреждения у потерпевшего и др.) [2,25]. Однако бий каждый раз перед вынесением решения призывал стороны к примирению [2, 22].

В судах биев бремя доказывания вины обвиняемого возлагалось на потерпевшего, либо на его родственников и поверенных. Если они были не в состоянии доказать вину обвиняемого, то он освобождался от ответственности. А опровержение обвинения являлось обязанностью обвиняемого или его поверенного. Средствами и способами доказывания вины обвиняемого признавались:

- задержание виновного на месте преступления и с поличным;
- вещественные доказательства;
- результаты осмотра места преступления;
- чистосердечное признание обвиняемого;
- показания свидетелей и очевидцев;
- присяга.

У кыргызов, например, под задержанием понимали, когда «у конокрада отобрали уведенных им лошадей» [2, 24], под вещественными доказательствами подразумевались шкуры зарезанного скота, обнаруженного в доме обвиняемого или веревка, которой привязывался нож обвиняемого, найденный в доме обвиняемого, наличие крови на дороге, ведущей к дому обвиняемого и т.д.

Чистосердечное признание имело место тогда, когда обвиняемый перед бием в присутствии потерпевшего или третьего лица признавал свою вину частично либо полностью. Если было частичное признание, то бий проводил дополнительный допрос обвиняемых, потерпевшего и свидетелей.

Содержанием показаний потерпевшего и очевидцев являлись сведения, указывающие на преступные действия обвиняемого, к примеру, какое оружие или предмет был использован им для осуществления своего преступного намерения и т.п.

В завершение отметим, что в судах биев имелись:

- нейтральный арбитр: судья – «бий»;
- противоположные стороны: обвинитель, потерпевший и обвиняемый, которые отстаивая свои интересы, состязаются в суде;
- в судопроизводстве используется присяга для доказывания

Таким образом, на данном историческом этапе суд биев проверял и оценивал доказательства, руководствуясь нормами обычного права кыргызов, то есть по заранее установленным правилам, где преимущественной юридической силой среди всех доказательств обладали признание вины, обнаруженное вещественное доказательство, которое несомненно, оценивалось как достоверное и достаточное доказательство для наказания подсудимого. При непризнании вины и отсутствии других доказательств подсудимый давал очистительную присягу, которая бием могла оцениваться как оправдательное доказательство.

Литература

1. *Загряжский Г.* О народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву // *Материалы для статистики Туркестанского края.* - Ежегодник. СПб, 1876. - Вып.IV. - С.194.
2. *Кожоналиев С.К.* Суд и уголовное обычное право кыргызов до Октябрьской революции (1850-1977 гг.). [Текст]: автореф. Дис... канд. юрид. наук. / С.К. Кожоналиев. - Алма-Ата, 1967. - 28 с.
3. *Леонтьев А.* Обычное право у кыргызов. - *Юридический вестник.* - 1890, № 5 - 6. - С.129.
4. *Нурбеков К.К.* История государства и права Кыргызской ССР. (Издание 2-е без изменений и дополнений). [Текст] / К.К. Нурбеков - Б., 1999 г. – 129 с.
5. *Смирнов А.В.* Модели уголовного процесса. - М., 2000. - С. 27.